

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Вот такие пироги, или Лёгкий флирт, укрепляющий семейные отношения

Ю. Тина.

Ох, уж эти пироги!

Или лёгкий флирт, укрепляющий семейные отношения.

Помахав ручкой мужу, стоявшему на подножке вагона поезда «Москва — Уфа», Саша заспешила в здание вокзала, нашла там свободный телефон-автомат и набрала номер.

— Леонид Михайлович? Это Осадчая, Александра Петровна... Вы не забыли о нашем уговоре? Нет? Прекрасно... Так можно вас ждать сегодня?... Когда?... Да собирайтесь и приезжайте к обеду... Адрес запишите?... Нет, нет, Старкова живёт дальше, а моя квартира в том же доме, где и Родиной. Вы же там были. Только на другом этаже. Пока, до встречи.

Как отважилась? Обнадёживающие воспоминания.

Как же всё прекрасно получается! — думает она по дороге домой в метро. И как вообще ей пришла в голову мысль о подобном? Вернее, как она отважилась на такое?

Вспоминает (в который раз), как всем отделом отмечали в прошлом году Женский день. Не на работе, как это было обычно, а дома у одной из сотрудниц. Пять женщин, из коих только две были с мужьями, а остальные холостячки. И три молодых человека, правда, двое из них были уже женатыми, но согласились ради такого праздника пожертвовать своими семейными обязанностями. Холостяком, как это ни странно был самый старший из них.

Ему было уже за 30, красотой особой он, вроде бы, похвастаться не мог, но было в нём что-то такое, что отличало его от других мужиков. Прежде всего, наверно, ум. Даже начальство относилось к нему с подчёркнутым почтением.

Что ещё? Весёлого нрава, никогда не унывающий. А в тот вечер он своими рассказами и анекдотами заставил кататься от смеха буквально всех. Серёжа — Сашин благоверный — чуть даже не подавился... А потом включили радиолу, поставили одну пластинку, другую, и начались танцы. Как он танцевал! Крутил, вертел, то резко отбрасывал от себя на расстояние вытянутой руки, то также резко прижимал к себе. И как ловко удавалось ему во время всех этих манипуляций незаметно для других совершать мимолетные и вроде бы случайные прикосновения.

Руками и губами. А в глазах прыгают весёлые чёртики

Когда его левая ладонь вдруг легла ей на грудь, она чуть ли не задохнулась. Разумеется, следовало бы одёрнуть нахала (за кого он её принимает?), прервать танец и вернуться за стол. Но от этой ладони истекало такое тепло... А уж когда он, не видя отпора, сжал грудь всей пятернёй и, мало того, стал нащупывать сквозь ткань сосок, Осадчую совсем бросило в жар, причём такой, что она, вопреки всем правилам благорассудительности, только тесно прижалась к нему и предпочла спрятать своё лицо у него на плече, чтобы спрятать свои заполохавшие ланиты, чем он тут же воспользовался, прильнув к ним губами.

Танец закончился, все пары отправились в столовую. А Леонид, убедившись в том, что все они, втягиваясь в коридор, не думают оглядываться назад, поцеловал её в губы. Саша же, также бросив быстрый взгляд на удалявшиеся спины, безоглядно повисла у него на шее и страстно впилась в его губы.

Но надо было возвращаться к остальным.

— Спасибо, — произнёс он и, уже обеими руками погладив её груди, а потом и проведя ими

по бёдрам, взял под руку и повёл к столу.

С каким нетерпением ждала она следующей своей очереди (он танцевал со всеми дамами подряд). Но не дождалась.

— Прошу прощения, — вдруг объявил он, — мне надо поторопиться, у меня должна состояться встреча.

— Зачем же ты, зная о нашем вечере здесь, назначил ещё и свидание? — возмутилась одна из дам.

— Не я назначил, а мне. Перед самым уходом с работы позвонила знакомая девушка и сказала, что будет ждать меня в девять часов у «Форума», куда она уже взяла билеты. Это случилось так неожиданно, что я не мог отговориться. Да и не думал я тогда, что тут будет так весело и приятно, что так быстро пролетит время...

— Да, жалко, — согласилась и Саша.

Жалко, что рушатся все надежды. Надежды? На что? А хотя бы на то, поймала она себя на шальной мысли, что после следующего танца он, не ограничившись мимолётными ласками, по дороге в столовую, вдруг предложит ей заглянуть на минутку в ванную...

Не вышло. Тогда, ровно десять месяцев назад. А что сегодня? Сядем за стол, потом поставим музыку, станем танцевать, и не будет уже нужды ограничивать себя мимолётными, незаметно от других, украдкой сорванными ласками... — такую картину рисовала она себе на мысли, поднимаясь по эскалатору.

На улице морозно. Люди идут от метро к выставке. Праздник... В автобусе случайной попутчицей оказывается Старкова. Они вместе работают, в одном отделе, только в разных комнатах. И живут в соседних домах.

— Нина Васильевна, откуда? — для вежливости спросила Осадчая.

— От Ерофеевой. У неё встречали Рождество.

Ерофеева и Старкова были подругами. Холостячки уже лет за 40 каждой. Весёлые, громкоголосые и не признающие никаких тайн, готовые тут же сообщить любопытным то, что только что узнали о других. Например, в тот же достопамятный вечер, когда вслед за Леонидом, запросились домой, к жёнам, и два других молодых человека, а мужья Осадчей и Родиной, хозяйки квартиры, пошли проводить их до автобусной остановки, оставив женщин убирать со стола, мыть посуду и судачить о только что закончившейся вечеринке, Ерофеева вдруг безапелляционно заявила:

— Вадик наверняка остался бы ещё, если бы среди нас была Ленка из первого отдела.

— А что, между ними что-то есть?

— Запудрил ей мозги этот армяшка, вот она и согласилась, чтобы он приехал к ней, пока мужа не было.

— А ребёнок?

— А что ребёнок? Ему тогда и годика не было, младенец несмышленный.

— Ну и что?

— Да ничего особенного.

— А откуда ты всё это знаешь?

— От неё самой, — разъяснила Старкова. — Ведь она моя соседка по квартире и попросила тогда задержаться малость по пути с работы из опасения, как бы мы не столкнулись с ним нос к носу. Вот почему, когда ближе к полуночи я вернулась домой и встретила её на кухне, то, естественно, спросила, всё ли прошло нормально. Она только рукой махнула и сказала с

досадой: не успел начать, как кончил, второго раза дожидаться не стал, уехал...

— А что вы думаете об Игорьке?

— Весёлый, в этом плане на Лёничку похож, но какой-то без стержня. Жена, думаю, им крутит, как хочет.

— А у Леонида Михайловича стержень есть?

— А как же, блядун ещё тот!

— Да, из конструкторских отделов к нему девочки ещё те ходят под благовидными предложениями.

— Ходить-то ходят... Я бы тоже не прочь была отведать его стерженёк. Но не подкатишься... «С кем работаешь, с тем не живи», — ответил он мне однажды, когда я спросила, что у него с одной из тех невест, что бегают к нему. За стенами же нашего института их у него, думаю, хоть пруд пруди.

— Вот-вот, приходит иногда на работу бледный как полотно, просит открыть дверцы у сейфов, стоящих в углу, ставит между ними стул и садится отсыпаться.

— Может с перепоя?

— Вы что? С перепоя пошёл бы в лабораторию просить спирта, чтобы опохмелиться. Ни разу такого не припомню.

От этих воспоминаний о том бабском разговоре Осадчую отвлекает вопрос Старковой:

— А вы что, милочка, так рано домой возвращаетесь? Где были?

— В центре, надо было кое-что купить, — придумывает вдруг, сама не зная зачем, Саша.

— И ничего не купили? — продолжает любопытствовать Старкова, глядя на её пустые руки.

— Нет, напрасно время потеряла, — продолжает говорит неправду Саша.

А про себя думает, что это даже хорошо, что ничего про отъезд мужа не сказала. Зачем ей знать это? Да, вот ещё что: не дай бог, чтобы мой гость встретился здесь с нею или с кем-нибудь ещё, его знающим. Догадается ли он что-нибудь в таком случае придумать в своё оправдание? Надо было, наверно, во время телефонного разговора предупредить его или хотя бы намекнуть, что приглашён он не на встречу со своими бывшими коллегами, а только с одной из них. Да язык как-то не повернулся раскрыть ему всё сразу. Хотя в первом разговоре, накануне Нового года, приглашая его, она говорила нарочито неясно, так, чтобы можно было подумать, будто речь идёт о повторении того, мартовского, вечера, причём в том же составе... Да, надо ещё в магазин зайти, купить что-нибудь к столу...

Придя домой, Осадчая раздевается, выкладывает покупки на кухне и направляется принимать ванну. Мысли её по-прежнему заняты воспоминаниями... Рабочий стол Канунникова стоял таким образом, что она с Родиной размещались за его спиной. И вот однажды та, перехватив её взгляд, застывший на его засылке, прошептала:

— О чём задумалась подруга?... Чем любишься?

— Причёской. И где это он так великолепно стрижётся? Не знаешь?

— Утверждает, что на Кузнецком мосту и в «Национале»... Что и говорить, хорошая головка. Да и сам по себе он хороший мальчик, сладкий... Признаюсь, я бы многое ему позволила, если бы он...

— Да, пожалуй...

И вдруг, как гром с ясного неба, известие: уходит, на другую работу. Собственно, подобное заявление он уже подавал и раньше. Но тогда, в первый раз, партийцы под грозными очами начальства осудили его «попытку дезертировать», «погнаться за длинным рублём». И вот

теперь снова.

— Сколько волка не корми, он всё в лес смотрит, — бросил с досадой заведующий отделом Емельянов, подписывая заявление.

— Жаль, что вы покидаете нас, Леонид Михайлович, — сказала ему и Осадчая, когда они на какой-то момент оказались в комнате одни. — Нам будет вас не хватать.

— Вы знаете мой телефон? — неожиданно спросил он. — Если позвоните, буду рад услышать, что у вас нового. Да и вообще... Может быть ещё и увидимся. Надумаете собраться и вспомните обо мне, приглашайте.

По каким-то делам ей в тот же день пришлось зайти в медсанчасть.

— Приходил тут ваш Канунников с обходным листом, — услышала она там от медсестры. — Жалко. Парень что надо! Бабник ещё тот ещё!

— Бабник?

— Ещё какой! Придёт, бывало, глазами зырк-зырк, словно раздевает до гола и оценивает...

— Часто бывал он у нас? Что-нибудь со здоровьем?

— Да нет, вроде бы. Однажды только пришлось повозиться с ним, когда в порядке диспансеризации надо было прозондировать желудок, а он никак не мог проглотить резиновый шланг с миндалиной на конце... Так и не удалось взять у него для пробы желудочный сок.

— А ещё чего ему было нужно от вас?

— Да чаще всего приходил с утра и просил дать ему что-либо такого, чтобы не спать.

— Хм, он действительно часто жаловался на то, что опять не выспался. И как же вы его выручали?

— Давали кофеин, одну, а порой и две ампулы. И он тут же становился свеженьким как огурчик. Да что кофеин? Попросил бы ещё чего-нибудь, не отказали бы...

«Я бы, наверно тоже», — молча согласилась тогда с ней Осадчая.

А сейчас, выбравшись из ванной, она вытирается насухо полотенцем и прихорашивается перед зеркалом.

Надо было бы сходить в парикмахерскую и сделать причёску, но вчера это могло вызвать ненужные вопросы у мужа, а сегодня уже поздно. Да, личико особой привлекательностью не отличается, кожа отнюдь не атласная, щёки малость одутловаты и дрябловаты... Подпудрить их что ли немножко?... Теперь чуточку подведём ресницы и брови... Покрасим губы, опять-таки чуть-чуть... Другое дело — груди, тут есть что посмотреть.

Взяв их обеими руками, она с некоторым удовольствием рассматривает, как они отражаются в зеркале. В анфас и в профиль. Да, всё-таки, пожалуй, тяжеловаты и потому малость отвисают... Ну ничего... Зачем придумали бюстгальтер? Где он?... Ага, вот... Примерим...

А может быть без него обойтись? Нет, в нём выглядишь вроде бы лучше, эффектнее... Да и лишняя линия обороны не помешает... Кстати, а где мой новый лифчик, купленный на Новый год, такой же чёрный, но с застёжкой спереди?

Осадчая направляется в спальню, роется там в одёжном шкафу, находит новый бюстгальтер и водружает его на себя. Дальнейшее одевание происходит здесь же, в спальне, перед большим зеркалом в стенке шкафа. Трусы — вот эти. То же чёрные... Хм, талия, конечно, не осиная, да и живот не украшает... Но ничего, мы всё это стянем поясом с подвязками для чулок. Где-то тут был такой, что после последней беременности не надевался — мал стал... Вот он... Так, теперь затянемся... Ох, глаза на лоб лезут. Но ничего, потерпим... Чулки... Какие

лучше? Да то же, пожалуй, чёрные... И чёрную же комбинашку... А сверху что? Может быть новое зелёное платье? Так... Мне нравится... А как оно будет смотреться другими глазами? Не слишком ли обтягивает? Особенно живот и бёдра... К тому же и вырез спереди чересчур большой, верх комбинации виден... Нет, пусть будет вот эта кофточка — шёлковая, тёмно синяя и с высоким воротничком.

И юбка — из плотного материала и длинная... Так, прекрасно... Теперь надо побрызгаться духами и можно заняться столом.

Прелюдия.

Но накрыть стол на кухне, как следует, не успевает. Раздаётся звонок. Забежав на секунду в спальню и бросив последний взгляд на своё изображение в зеркале, Саша направляется открывать дверь квартиры.

— Это вы, Леонид Михайлович?... Входите... Рада вас видеть!

— Здравствуйте, Александра Петровна! Явился, не запылелся.

— Раздевайтесь, пожалуйста, снимайте пальто и шапку, вешайте сюда... Нет-нет, ботинки снимать не надо. Проходите на кухню. К сожалению, я не успела накрыть на стол, будете помогать мне... Не замёрзли?

— Да на улице тепло...

— Тепло? Градусов семь было утром, когда я выходила из дома.

— Ну а сейчас, наверно, около пяти.

— И всё же... Зима ведь... Так что сейчас отогреем вас. О, да вы с бутылкой! Открывайте её, а я сейчас закончу готовить закуску. Вот рюмки, наливайте пока... Рюмки, правда, маленькие. Может, вам побольше поставить?

— Пусть будут эти, одинаковые. Какой прелестный стол! Какая может быть ещё закуска?

— Сейчас, сейчас, вот ещё колбаски нарежу... Вот так, на первый раз, наверно, хватит.

— И не только на первый. Садитесь, пожалуйста, коль меня усадили, и приступим к сугреву. Ну, что, поднимем рюмки? За что пить будем?

— За встречу.

Чокаются. Леонид выпивает залпом, запрокинув голову. Саша лишь пригубила, поморщившись.

— Чего это вы?

— Не могу... Не люблю её.

— Понимаю. Когда-то и я предпочитал ликёры сладкие, вина лёгкие. Да и сейчас глотаю водку с некоторым содроганием... Так что берите пример с меня, опрокидывайте её, проклятую, разом. Следующая пойдёт легче... Вот так, молодцом!

Саша чуть было не поперхнулась, сразу же хватается за вилку и начинает ею отправлять в рот всё, что было на столе: солёный огурчик, квашеную капусту, салат, колбасу.

— Ух, пронесло, вроде. Ну что ж, будь по вашему, давайте повторим... Наливайте...

Глаза её загораются отчаянной решимостью.

— Действительно, вторая оказалась не такая противная, как первая.

— Бог троицу любит, — напоминает Леонид, снова наливая в рюмки. — Эта, вот увидите, проскочит, как миленькая.

— Да с вами алкоголичкой станешь... — Не станете.

— И чему только вы меня учите?..

— Я?... Учу?... Да это мне в пору у вас чему-нибудь научиться...

— Намекаете на то, что я старше вас?

— Боже упаси!... Намекаю на то, что вы женщина замужняя, опытная...

— Ой, ой!... Умею капусту рубить, огурцы солить... Пробуйте пожалуйста!

— И на самом деле вкуснятина, пальчики оближешь!... Но я не о том...

— Угощу и борщом, если до этого дойдёт дело. Вчера готовила.

— Для себя одной? Или...

— Или!... Мужа на дорогу им кормила.

— Он в дороге?

— Да.

— Дальней?

— Дальней...

— А дети? Их у вас, насколько я помню, двое мальчишек...

— В лагере... Завтра возвращаются... А пока их никого нет, я бы с удовольствием кое-чему поучилась бы у вас... Вы так прекрасно танцуете...

— С превеликим удовольствием! Музыка есть?

— Не ахти какая, но сейчас будет. Идёмте.

Саша берёт его за руку и ведёт в детскую.

— Нет, здесь нам будет тесновато... Но ничего. Только радиолу надо принести из спальни. Хорошо?

Они направились туда.

— Вот она, на секретере стоит. Поднимите?

— Поднять-то подниму. И донесу. Но стоит ли? Где её там устанавливать? А здесь она уже стоит и, как я вижу, подключена к сети.

— Но здесь совсем уж тесно... Видите: кровать двуспальная занимает добрую половину площади, шкаф платяной и шкаф книжный, секретер, стулья...

— А мы стулья вынесем и место освободим!... Где пластинки?

— Пластинки так себе. Но танго найдём. Вот, пожалуйста.

Заиграла музыка. Парочка заскользила ей в такт.

— В тесноте, да не в обиде, не правда ли? — спрашивает она, заглядывая ему в глаза.

— Вот именно! Можно и ещё теснее, если вы не против...

Не получив ответа, он положил её правую руку себе на плечо, а свою левую протянул ей за спину и крепко прижал к себе.

— Ох, я, кажется, совсем пьяна, ноги путаются, не могу угодить вам в такт. Вы, наверно, про себя ругаете меня, такую неуклюжую. А я вспоминаю, что вы выделявали тогда, 8 марта, с нами у Родиной.

— Что же я такого выделявал с вами?

— Будто не помните?

— Почему же, помню: например, дерзнул руками убедиться, насколько великолепна ваша грудь... Вот так...

И точно также, как тогда, тепло от его дерзкой ладони заполняет её грудь и разливается по телу. И точно также она прижимает запыхавшее лицо к его плечу, и точно также чувствует прикосновение его губ к своей щеке, а потом к мочке уха и шее.

Но тут музыка кончилась. Саша размыкает его объятия.

— Жаль, что так быстро, — произносит Леонид. — А долгоиграющих пластинок у вас нет?

— Нет, но я сейчас поставлю другую.

Саша направляется к радиоле, а он за ней, и пока она выбирает новую пластинку и ставит её на проигрыватель, просовывает свои руки ей подмышки, обхватывает уже обе груди и легонько целует шею у затылка.

— Щекотно, — вскрикивает она и вырывается из его объятий. — Давайте лучше танцевать.

На этот раз Саша прижимается к Леониду животом, а грудь и плечи откидывает назад. В устремлённых на него глазах блуждают весёлые огоньки любопытства: мол, что же последует дальше?

А дальше Леонид нагибает голову и припадает своими устами к её устам. Так они, слившись в поцелуе, и танцуют, вернее, топчутся на одном месте в такт музыки, пока эта музыка играла. А когда она кончается и они вынуждены оторваться друг от друга, он предлагает:

— Может быть, присядем?

И, как бы приглашая, кладёт руку на постельное покрывало. Какой-то момент Саша стоит в нерешительности... Согласиться? Нет, ни в коем случае! Весь хмель, а вместе с ним и бесшабашность куда-то улечиваются.

— Нет, — как-то не очень уверенно возражает она и принимается объяснять: — Супружеская постель не для того существует... Отнесёмся к ней с должным почтением... И вообще, не пора ли вернуться к столу?

Они возвращается на кухню и усаживаются снова за стол. Канунников наполняет рюмки. А Саша, взглянув на него — задумчиво молчащего и, как ей показалось, несколько потерянного, да и сама теперь сожалеющая о том, что не слишком ли резко отклонила его авансы, решает исправить свою оплошность, предложив:

— Давайте выпьем на брудершафт... А то что мы всё на «вы» да на «вы». Идёт?

— Идёт! — с радостной готовностью соглашается гость.

Сдвинув стулья, чокаются, целуются, выпивают, и, чуть закусив, возобновляют ласки. Поцелуи прерываются только для того, чтобы дать возможность глотнуть воздуха. Руки же его, не ограничиваются теперь только обследованием её груди, а спускаются на талию и бедра, поднимаются к животу, возвращаются к бюсту. При этом пальцы нащупывают пуговку на блузке и пытаются расстегнуть её.

— Ой, что это вы? — схватывает она его за эти пальцы.

— Во-первых, не «вы», а «ты». А во-вторых, почему нельзя взглянуть на то, что там?

— Не слишком ли много и сразу вы хотите?

— Опять «вы»! Придётся повторить тост на брудершафт!

— Да уж, прости, придётся...

— Итак, мы друзья, не правда ли?

— Да, дружок. Можно я так буду тебя называть?

— Можно, подружка. Но, насколько я знаю, друзья ничего друг для друга не жалеют... А тут, выходит, жалко позволить расстегнуть блузку...

— погоди! Речь, вроде бы, шла только об одной пуговице. А теперь давай тебе все?

— Значит жалко?

— Жалко не жалко, а ты безжалостный!

— Безжалостный — это когда никого не жалко, даже подругу, или ничего не жалко, даже для друга?

— Пожалуйста, не пудри мне мозги!... Дело не в жалости, а... Не знаю, как точнее

выразиться...

— А мне вот ничего для тебя не жалко... Чего расстегнуть, с чем расстаться? Скажи только!

При этих словах Леонид выразительно взглянув на ширинку своих брюк, пытается возложить туда её ладонь. Саша испуганно вырывает её, но тут же, рассмеявшись, предлагает:

— Вот пиджак снять можно... Давай, я пойду повешу его.

— Бога ради, расстанусь с ним с удовольствием. И с галстуком тоже... Можно?

— Разрешаю.

— А заодно и верхнюю пуговку рубашки расстегну... В укор некоторым... Нет, две... Даже три... Если позволено будет...

— Будет, будет!

— Как понимать эти слова? Как согласие, или как призыв прекратить?

— Как хочешь, так и понимай... Подожди минутку, пока я пойду повешу пиджак и галстук.

— Жду возвращения и надеюсь на взаимность! — крикнул Леонид ей вслед.

Открыв дверцу платяного шкафа в спальне и увидев единственную свободную вешалку, освобождённую сегодня утром от костюма мужа, Саша замирает: может, не стоит её занимать пиджаком другого мужчины, а повесить его на спинку стула или на вешалке в передней? Но колеблется недолго: чужь какая-то пришла в голову, вешалка, даже супружеская, — ведь не постель. И, кстати, неплохо бы перевесить сюда и его пальто с шапкой из передней... Так, на всякий случай... Хотя, ладно, пусть там висят... Да, интересное направление принимает это свидание... Уже до пуговиц дело дошло... Думала ли ты об этом? Конечно, нет... Ишь как разумянилась!... И что же будет дальше?... Забавно... Что он там вдогонку сказал? «Надеюсь на взаимность!» Сейчас прям, жди!... Хотя, хотя... может быть всё-таки чуточку подыграть ему? Интересно, как он прореагирует, увидев, что и у меня расстёгнута верхняя пуговица?... Нет, две... Да чего там, баш на баш, три!... Вот так... Комбинашку не видать? Ну и прекрасно!... Вперёд, навстречу новым приключениям!

— Ну, чем ты тут без меня занимаешься? — с некоторым вызовом спрашивает Саша гостя, вернувшись на кухню и усаживаясь рядом с ним.

Изменения в её одежде не проходят мимо его взора. От неожиданности он широко открывает рот и шумно втягивает в себя воздух.

— Что с тобою? — интересуется она, поворачиваясь лицом к нему и с удовольствием внимая его смятению.

— Нет, ничего... — бормочет он.

— Да, кстати, о какой такой взаимности ты говорил?

— Бог ты мой! — наконец-то приходит в себя Леонид. — Вот это подарочек!

— Кто-то только что упрекал меня, что де жалко мне с кое-какой мелочью расстаться...

— Нет, нет! Беру те слова обратно, прошу прощения за них...

— Уж так и быть, прощаю.

Их уста снова смыкаются, а его рука напрямик направляется за расстёгнутый отворот блузки, принимается поглаживать её груди через ткань комбинации, затем преодолевает верхний край последней, и пальцы предпринимают попытку проникнуть за чашечку бюстгальтера.

— Какая прелесть! И как жалко, что моя ладонь так стеснена в своих действиях, а глазам ничего не видно...

Жар его ладони, касавшейся кожи то одной, то другой груди, снова охватывает всё её тело. И уж совсем невыносимым этот жар становится, когда его пальцам удаётся протиснуться

поглубже и легонько пощекотать сосок. Саша задёргалась и, хихикнув, вырывается из его объятий.

— Больно, — объясняет она ему, — бретельки в кожу впились.

— Так давай я их сниму с плеч! И мне они тоже мешают.

— А сам лифчик не мешает?

— Мешает, конечно.

— Ну так попробуй, сними его, — улыбаясь, предлагает она вдруг, сама удивившись своей собственной смелости.

И прильнув своими губами к его рту, ощущает, как одна из его ладоней мнёт через ткани блузки и комбинации её правую грудь, а другая, проникнув за воротник кофточки, опускается меж лопаток под комбинацию, упирается кончиками пальцев в лямку бюстгалтера и судорожно скользит вдоль неё в поисках застёжки.

— Сию минутку, — бормочет он, оторвавшись от её губ, и привстав, попытается заглянуть ей за спину, чтобы глазами увидеть то, что никак не могут обнаружить пальцы.

— Ну что, не получается? — с деланным недоумением интересуется Саша.

И, не выдержав, смеётся.

— Сию минуточку, говоришь? Ну, ну! И долго мне ещё ждать?

Заметив, однако, что Леонид почувствовал себя немного уязвлённым, она заставляет себя принять серьёзный вид и пускается в объяснения:

— Как видишь, застёжка особенная, с секретом... Ну да бог с ней, оставим её пока в покое.

Никуда она от нас не денется. А мне, наверно от твоих ласк и поцелуев, стало так жарко, что дальше невмочь. И тебе, поди? Твоя ладонь, кажется, тоже взмокла...

— Да, подружка, но от собственных тщетных усилий. Да что ладонь. Всё тело покрылось испариной.

— Ещё бы, рубашка, небось, нейлоновая? Может быть ты освободишься от неё? Не стесняйся, милый.

— И в правду, без неё наверно легче будет. А стесняться чего? Вот видишь — был в рубашке, остался в майке. Но, насколько я понял, и тебе невмочу от жары. Чего же ты стесняешься? Снимай кофточку!

— В таком деле я стесняюсь быть первой. Но примеру твоему последую.

— Позволь мне, пожалуйста, расстегнуть остальные пуговицы...

— Сумеешь?

— Постараюсь... Ну вот, видишь, всё сделано... Была кофточка на плечах, и нету её. Зато вволю можно полюбоваться плечами, покрыть их поцелуями... И груди уже малость доступны и взорам и на ощупь...

— Да, с пуговицами оказалось легче справиться, чем с застёжкой! — снова не может сдержаться Саша.

— Ох уж эта злосчастная застёжка! Где же она?

— И не пытайся найти её! Сказала же, что она с секретом, а для раскрытия этого секрета ещё не наступило время. Тебе, кстати, теперь не холодно?

— Рядом с тобой и холодно? О чём ты говоришь? Давай лучше поцелуемся!

Далеко ли до границы?

Новая диспозиция в её одеянии открывает иные возможности для его ласк. Тонкая ткань комбинации не препятствует, а может быть даже усиливает течение токов, исходящих от его

горячих ладоней. Спустившись к талии, одна из них проникает за пояс юбки и, совершая круговращательные движения около пупка, начинает осторожно собирать в складки и тащить вверх подол комбинации и, обнажив плоть, устремляется, было, дальше. Не прерывая поцелуя, Осадчая пытается воспрепятствовать этому, крепко перехватив за запястье слишком любопытную руку. Та послушно останавливается на мякоти живота, но мгновение спустя устремляется под покровом задранной комбинации вверх, достигает нижней кромки сначала одной чашечки бюстгалтера, а потом и другой, приподнимает их и принимается пальпировать соски. Саша заёрзала. Глаза её закрыты.

Обняв Леонида, она осмеливается и сама пустить в ход свои ладони, робко поглаживая его оголённые плечи, верх ключицы и лопатки. Но дыхания не хватает, и ей приходится оторваться от его губ.

— Ох, давай переведём дух...

— Не пора ли зажечь свет?

— Ещё успеем.

— Темнеет уже и на улице, а тут тем более.

— Мне стыдно...

— От чего?

— От сознания того, что мы переходим все границы...

— Ну, до границ ещё далеко, так что можно не беспокоиться.

— Как же не беспокоиться?... В каком виде мы находимся?

— В каком?

— В непотребном!

— Друзья должны хорошо знать друг другу. А этого добиться нельзя, не обнажая душу и тело...

— И какой же ты находишь меня?

— Прелестной... Жаль вот только, что такие твои прелести, как груди, по-прежнему являются объектом ограниченного доступа. Не пора ли раскрыть секрет застёжки?

Вместо ответа Саша вновь прикает к Леониду. Его язык раздвигает её губы и лижет резцы её зубов, а когда те раздвигаются, устремляется навстречу её языку. А правая рука между тем опять оказывается под одной из чашечек бюстгалтера, играя мякотью и соском, левая же, обогнув талию, проследует вниз, за пояс юбки, и возобновляет поглаживание мякоти живота, в том числе и его низа, пальцы скользят по руну на лобке и делают попытку последовать дальше.

— Ты не против? — на всякий случай, прервавшись на секунду, спрашивает Леонид.

Осадчая молчит, но бёдра сжимает так сильно, что проникнуть между ними оказывается невозможно.

— О, чёрт! И здесь препятствие! — с деланным негодованием ворчит Леонид. — И это называется гостеприимством?

— В чём дело, милый?

— И в том, что ты не позволяешь перстам моим ознакомиться с входом в сокровищницу... И в том, что пояс от юбки впивается в кисть руки и, мало того, что причиняет боль, не говоря уже о том, что ещё и лишает меня свободы действий! Я уж не говорю о другом поясе, мною обнаруженном на твоих бёдрах, — с подвесками для поддержания чулок...

— А он причём?

— То же мешает!

— Бедный!... Что прикажешь делать?..

— Будь я на твоём месте, я бы избавился от всей этой чертовщины?

— От чего?

— От юбки!

— А ты убери руку оттуда, и она тебе мешать не будет...

Он так и поступает.

— Пожалуй, ты права. Попробуем пойти другим путём...

— Что ты имеешь в виду?

— Сейчас увидишь.

Его правая рука также покидает не менее тесное пространство под чашечкой бюстгальтера и тут же объявляется внизу, у неё на коленках. Задрав подол юбки, она ползёт вверх между внутренними поверхностями бёдер.

— Осторожней! Ты мне чулки порвёшь! — схватывает она его за локоть.

— Не мудрено! Я ведь действую на ощупь... Однако, есть ещё третий путь... Привстань, пожалуйста!

— Зачем?

— Прошу тебя!

— Встаю... Что дальше?

— Дальше? Увидишь сейчас...

Канунников нащупывает крючки на поясе её юбки и расстегивает их.

— Справедливость, наконец-то, на моей стороне! — торжественно объявляет он и начинает стаскивать юбку с её бёдер.

Но это оказывается не так-то легко сделать. Юбка не снимается.

— Не рано ли радуешься, молодой человек? Дело, как я вижу, не такое уж и простое... И без посторонней помощи тут навряд ли обойдёшься.

— Ловлю на слове...

— Да, другого выхода для себя не вижу... Юбку ты, судя по твоему неумному натиску, с меня всё равно сдёрнешь. Да вот только разорвёшь её, если не догадаешься в конце концов, что снимается она... через голову. Так что придётся мне переступить через стыдливость и гордость... Видишь, какая я уступчивая, покладистая...

— Вижу и готов проявить не меньшую... Разрешаю тебе заняться моими брюками: расстегнуть ремень и ширинку, чтобы убедиться в том, как они, в отличие от твоей юбки, сразу же окажутся на полу.

— Нет уж, избавь меня от этого. Самому тебе это, наверно, сподручнее будет сделать.

— Изволь! Раз, два, три, четыре, пять, — вышел зайчик погулять!..

— О боже, да там ещё кальсоны?

— Кальсоны? Раз, два, три, — глазки свои протри! Где они? Там же, на полу...

— Хорошо, хорошо! Давай я пойду уберу всё это в шкаф. Подожди меня здесь.

— Надеюсь, ты вернёшься без юбки?

— Надейся, надейся. Только не замёрзни! Подкрепись чем-нибудь.

Немного спустя Саша возвращается на кухню. И, чтобы скрыть своё смущение, пытается вести себя, словно кафешантанная девица.

— Ну, как ты меня находишь? — спрашивает она, останавливаясь в дверном проёме и потянув

за шнурок электрического выключателя.

Канунников, не скрывая изумления, которое можно было принять и за восхищение, уставляется на неё, представшую перед ним в свете зажжённой кухонной лампы: в чёрной комбинации, оттеняющей белизну плеч и рук, в чёрных же чулках; одна рука согнута в локте с повернутой вверх ладонью на уровне груди, другая на бедре, чуть приподняв подол, так что можно видеть узкую белую полоску между ним и чулком.

Громко вскрикнув, Леонид вскакивает со стула и кидается к ней. Но она, выключает свет и в наступившей вдруг темноте как-то неожиданно изящно и легко для её довольно полной фигуры ускользает от его объятий и направляется к своему месту за столом.

— Садись, Лёночка.

— Почему ты выключила свет?

— Знаешь, мне всё же как-то не по себе. Так что давай немного выпьем!

— Давай! Наливаю... За дружбу и любовь!...

Выпили, закусили.

— Может быть тебе ещё чего-то хочется? Согреть борщ?

— Мне действительно кое-чего хочется, но не борща.

— А чего?

— Тебя!...

Обняв её одной рукой и приклеив к её рту свои губы, он другой рукой берёт её ладонь, возлагает к себе на колени и ведёт выше. Но едва эта ладонь касается того, что было под трусами, Саша отдёргивает её.

— Ты чего?

— Стыд-то какой, — то, чем мы занимаемся... Хорошо, что уже темно, и ты не видишь моего лица...

— Твои чувства, милая, мне понятны. Именно поэтому я, ты сама видишь, не форсирую событий, не предлагаю тебе уже сию минуту, прямо тут приступить к тому, чему, надеюсь, всё же время наступит... Ведь мы же только что выпили за любовь. Не правда ли?

— Да, но...

— Вот именно... Учитывая это твоё «но», я не настаиваю даже на том, чтобы мы занимались предварительными, как я их называю, любовными играми и ласками не во тьме кромешной, как ты, вижу, предпочитаешь, а при ярком свете, как это я люблю делать.

— Ты хороший, замечательный! Я вижу это. Спасибо!

Саша всем телом льнёт к нему и опять предаётся его поцелуям и ласкам. Но едва только он ещё раз кладёт её ладонь к себе на трусы, она снова её отдёргивает.

— Но почему? — взмаливается он.

— Стыдно же, говорю... Копаться в чужом белье... фи!

— Так давай снимем бельё! И моё, и твоё...

— Ты думаешь, что тогда мне станет менее стыдно? Не уверена.

— Давай попробуем!

— Не надо!... Умоляю!... Ведь ты же хороший!..

— Да, покладистый, может быть, даже не в меру.

— Нет, нет. Всё в меру, уверяю тебя!

— Ну хорошо, тебе стыдно убедиться собственными руками, в каком я напряжённом состоянии нахожусь. А мне вот не стыдно проверить, какая у тебя температура и влажность

там...

Протянув руку ей под подол комбинации и далее под трусики, Леонид начинает перебирать пальцами её срамные волоски... Так как это уже не первое прикосновение к ним, Саша не находит нужным протестовать и сопротивляться.

— Интересно, какого они цвета? — любопытствует он.

— Рыжие, дурачок!... Доволен?

— Правда? Не обманываешь?

— Хочешь, чтобы я тебе разрешила убедиться в этом воочию?... Ну и нахал! Не дождёшься...

— Надеюсь всё же, милая, что ты не всегда будешь так категорична... А пока позволь мне поцеловать тебя... Где твои губки?

— Вот они, в твоём полном распоряжении...

После некоторого молчания, вызванного затяжным поцелуем, она признаётся:

— Как это у тебя хорошо получается! Особенно, когда наши языки находят друг друга и начинают...

— Повторим?

— Угу!..

Пальцы его тем временем, наигравшись в волю руном на лобковом выступе, двигаются дальше. Саша инстинктивно сжимает бёдра, но тут же раздвигает их, причём гораздо шире, чем они находились прежде. И тут же ощущает, как его палец проникает во врата её плоти.

— Ба, да там, милочка, уже довольно влажно... Трусики не жалко? Может быть, снимем их?

— О, господи! Дались тебе эти трусики!..

— Не трусики мне дались, а те твои губки, которые несправедливо называют срамными и приласкать которые мне как раз и мешают эти чёртовы трусики!

— И ты думаешь, что от них так-то легко избавиться? Там целая система защиты..

— Понятно, словно у атомного реактора... Вот пояс с подвесками, а к тем крепятся чулки...

— Да, броня крепка...

— Но и пальцы наши быстры. Вот уже один чулок отстёгнут, вот другой... Позволь стащить их аккуратно вниз...

— Ну, если только, аккуратно, чтобы не порвать...

— Вроде бы, не порвал...

— Да, в искусстве раздевания ты делаешь несомненные успехи... Надо же, снял, не причинил боли и, кажется, не порвал... Не то, что с лифчиком и юбкой!..

— К лифчику мы, полагаю, ещё вернёмся... А пока можно взяться и за трусики... Помогите мне, приподними одно бедро,... затем другое... Вот так... Пусть там на полу повалываются, а мы займёмся более приятными вещами... Не правда ли? Осадчая только ещё сильнее прижимается к нему и впивается ему в губы... Внизу у неё всё полыхает от прикосновений и трения его пальцев. Таз непроизвольно задвигался. И чем дальше, тем энергичнее. А ладонь, в третий раз настойчиво пойманная им и приведённая к его причинному месту, так там и остаётся. Причём пальцы её не долго остаются безучастными к такому соседству, немного погодя они довольно робко пробуют теребить через ткань трусов его напряжённую плоть, а потом осмеливаются знакомиться с нею и более детально...

Мысль, что не пора ли уже выкинуть белый флаг, приходит тут ей в голову. Но, оказывается, для того чтобы сдаться, тоже нужна смелость, а она уже вся израсходована на согласие избавиться от юбки. К тому же, о какой капитуляции может идти речь, если никаких

ультиматумов до сих пор так и не последовало?

И далось же ему это — «не форсировать событий»!... Пора бы уж!... Чего ждёшь ещё, дружочек?

Когда его то ли указательный, то ли безымянный палец задвигался уже в самой глубине её женского естества, Саша делает резкое движение назад, тянула Леонида за кисть руки и, освободившись от чрезмерно назойливого перста, неожиданно для самой себя предлагает:

— Хочешь, сниму бюстгальтер?

— Ещё бы! Но прежде неплохо бы избавиться от комбинации. Давай помогу... Так...

— Снимай и ты свою майку.

— Снимаю... Теперь показывай, в чём секрет.

— Смотри, глупыш, застёжка-то спереди! — смеётся она. — Вот, видишь?

— погоди, погоди! — хватает он её за кисти рук, уже приготовившихся расстегнуть злосчастную застёжку. — Я сам!

Щёлк! И Леонид, взяв ладонями ставших вдруг свободными полушария, погружает в них своё лицо и покрывает их поцелуями.

Капитуляция.

Сладостная истома охватывает Сашу от затылка до кончиков пальцев на всех конечностях. Лицо пылает и становится влажным. Равно как и плоть, куда снова устремляются его пальцы. Пройдясь по срамным губам, они легко проскальзывают в прикрываемое ими отверстие, прогулявшись там вволю, возвращаются назад и, нащупав горошину клитора, принимаются усиленно тереть его. Заохав и заахав, она уже сама находит его член и, просунув ладонь под трусы, судорожно сжимает его в кулаке.

— Что ты чувствуешь? — шепчет он ей на ухо.

— И ты спрашиваешь?

— Да.

— Что, что? Концы вот-вот отдам!... Всё, с меня хватит!

Саша решительно отдёргивает его руку и поднимается со стула.

— Пойдём, милый, в спальню.

Леонид вскакивает и, взяв её за руку, А оказавшись там, спрашивает:

— Где тут свет зажигается?

— Зачем? Обойдёмся без него! Зайди с той стороны кровати и помоги мне свернуть покрывало...

— Пожалуйста... Правда, кто-то недавно решительно заявлял, что супружеская постель только для супругов...

— Какой же ты противный!... — восклицает она, ныряя под одеяло. — Сейчас ты и будешь моим супругом... Иди же!... А то замёрзнешь... Или уже не хочешь?..

— Хочу, но боюсь, — отвечает он, тем не менее приподнимая край одеяла и укладываясь рядом с ней.

— Боишься? Чего же?... О, да ты никак всё ещё в трусах? Не мешают?

— Мешают, конечно, но сейчас не будут, снимаю... Но не о том собираюсь сказать тебе... На мягкой постели, под тёплым одеялом, возбуждённый до предела... Протяни руку и убедись! Не правда ли? Так вот, в таком пограничном состоянии не успею войти в тебя, — а я, чувствуешь, вхожу! — в такую мягкую и аппетитную — как сразу (раз, два, три, четыре, пять), дабы зайчик в виде некоей струи не выбежал из меня погулять раньше положенного,

вынужден выйти...

— Зачем ты это сделал? Я же сказала, будь моим супругом!..

— Я и хочу им стать, но хорошим, таким, чтобы и тебе доставить максимум удовольствия, чтобы ты осталась довольна мною. Однако боюсь, что здесь и на тебе, я тут же кончу... Я-то своё удовольствие получу. А ты? И придётся тебе ждать, когда я восстановлю свои силы...

— Да что ж с вами, мужиками, делать?... Такова уж, наверно, наша бабская доля, давать вам всё, мало что получая взамен... Но мне всё равно приятна близость с тобой... Знай это, милый, и продолжай своё дело...

— Тебя это устраивает? Пожалуйста, я возвращаюсь...

— Иди ко мне, мой сладенький!... Я только этого и жду... Вот так! Как же хорошо!... Ну, ну, чего остановился?

— Так надо... Сил нет сдержаться, а мне всё же не хотелось бы так вот сразу кончить... Давай, милая переждём малость... И тем временем послушай меня, я плохого предлагать не буду... Может быть всё же лучше будет, если мы выберемся из этой шикарной постели, разместимся на чём-нибудь твёрдом, на стуле, например, или на полу, или в ванной, наполненной тёплой водой?

— Ты что, рехнулся?...

Она выскальзывает из-под него, садится и с недоумением повторяет его слова:

— На стуле, на полу, в ванной!... И как ты всё это себе представляешь?

— Я знаю несколько поз, которые, уверен, доставят тебе не меньшее удовольствие, а мне позволят дольше продержаться в тебе. Правда, они довольно сложны и требуют определённых навыков...

— Вот именно!... А откуда у меня такие навыки?...

— Но у меня-то они есть... Этого достаточно...

— Да за кого ты меня принимаешь? — чуть не плача кричит Саша. — Всё, хватит!... Чтобы я этого больше не слышала!... Пригласила как человека, думая, что он действительно человек! А он?... Чудовище какое-то!

— Ну, ну, Сашечка, успокойся!

Леонид тоже садится и, обняв плачущую, покрывает поцелуями её лицо.

— Никакое я не чудовище... Просто хотел сделать, чтобы лучше было... и прежде всего заботился о тебе, чтобы ты осталась мною довольна... Прости меня...

— Да ладно, все вы, мужики, видать, одинаковы... Что с вами делать прикажите?... — говорит она, вытирая тыльными сторонами кулаков слёзы. — Значит, прощения просишь? Так и быть, прощаю... Но с условием: марш под одеяло! Накрой им и меня. Обними покрепче и поцелуй... Я вся дрожу... И не только от обиды. Но и от холода и пыток, которым ты меня подверг на кухне...

— Вот тебе мои объятия и поцелуи... Но скажи, разве пытки эти не сладостны были?...

Левая его рука, обвив её шею, снова принимается мять пышное полушарие груди, пальпируя набухший сосок, ладонь же правой снова оказывается у входа в её лоно.

— Ой, да ты никак опять за старое принимаешься?... Пойми же, я жду тебя, а не твоих заместителей в виде пальчиков!..

— Всё понимаю, дорогая... Но потерпи ещё малость... Так надо... Поверь мне...

Вообще-то то, что он сейчас совершает, ей не противно... Пощипывание клитора, сменяющееся проникновением одного или даже двух «заместителей» как можно глубже в

щель между малыми срамными губами доставляет ей необыкновенно острое удовольствие... Настолько острое, что, энергично закачав своим тазом в такт этим его движениям, она готова вот-вот кончить, а, может быть, даже и кончила (несмотря на длительное замужество, ей не так уж часто доводилось доходить до явного, полного оргазма, и она плохо в этом разбиралась, а потому она только чувствовала, что каждое её новое извержение сильнее и потому явственнее предыдущего). Застонав, она чуть ли не кричит:

— Ну что же ты за изверг!... Сколько ещё можно?... Пожалей же меня!... Ведь дух сейчас испущу!

— Спешу на выручку, дорогая!

Леонид отбрасывает одеяло, и Саша зрит во тьме, как он, вроде бы, занимает исходную позицию — поднимается на колени и располагает их меж её бёдер. Она с готовностью раздвигает их ещё шире, с нетерпением ожидая прикосновения к своему лону, а затем и проникновения в него уже не пальцев, а нечто более существенного. Однако он медлит. Наклонившись и оперевшись на локти, поставленные рядом с её плечами, он целует её губы, мнёт груди, затем по очереди берёт в рот соски и лижет их языком, чуть при этом прикусывая. Изнемогая от этой новой ласки, она тем не менее находит в себе силы, чтобы, упёршись руками в его плечи, попытаться оттолкнуть его, а когда это не получается, то, схватив за затылок, притягивает голову к себе и вцепляется в его рот — не столько губами, сколько зубами... Очевидно, несколько ошалев от столь бурного натиска, Леонид размыкает её объятия и снова привстаёт на коленях.

— Ты чего? — удивляется Саша.

— Сейчас увидишь, — отвечает он, просовывает свои локти под её колени и закидывает голени к себе на плечи.

— Ой, что это ты? — уже испуганно спрашивает она.

— Пока ничего особенного. Просто твоё сокровище теперь на уровне моего. Чувствуешь?

— Чувствую... Но зачем же прибегать к такому акробатическому упражнению? Ты бы меня ещё на голову поставил...

— Хочешь?

— Я уже сказала, чего хочу... Повторить?... Раз уж ты оказался в супружеской постели, будь так любезен, исполни то, чего я привыкла ждать тут от своего муженька и ради чего я пригласила тебя сюда... Ну что ты медлишь?... Изверг какой-то!... Извращенец!..

Леонид, однако, не слушая мольб и упрёков, продолжает водить головкой своего члена вдоль её набухших срамных губ, особо нажимая на клитор и лишь изредка, словно дразня, тычась во влагалище. Саше кажется, что он вот-вот войдёт туда, где его уже давно и с нетерпением ждут, но так как этого не происходит, она пытается встречными движениями таза самой захватить его, однако сделать это ей не удаётся.

— В чем же дело, дружок?

— Не могу попасть! — смеясь, отвечает Леонид. — Может, поможешь?

— Ты что, с ума сошёл?... Извращенец!...

— Извращенец, — это, насколько я знаю, когда не только сзади, но и в зад... Неужто я ошибся дверью? Мне кажется, я нахожусь на праведном пути, ведущим в рай, и стучусь уже во ворота его... Они, вроде бы, открыты... Не правда ли?

— А ты не чувствуешь?..

— Чувствую, милая... Ещё как!... И всё же, мне бы доставило огромное удовольствие, если бы

ты помогла мне переступить порог...

— Но как?

— Возьми ручкой стучащего и введи его в храм сама...

— Что я тебе, проститутка?

— Кое-чему неплохо поучиться и у проститутки... Всё же она профессионалка...

— Не дождёшься!

— Ну хорошо, придётся обойтись без твоей помощи... Итак, как говорят физкультурники, на старт, внимание, марш!..

Саша взывает от наслаждения, ощутив, как его стержень вошёл в её щель и задвигался в ней туда-сюда, словно поршень в цилиндре. В меру сил (ведь её подвешенные зад и пятки оказались без точки опоры) она пытается отвечать ему не менее энергичными движениями.

— Ты просто прелесть! — только и может она произнести. — Как же здорово!

— Мне тоже... Даже чересчур... О боже!... Прости!...

И останавливает движение.

— В чём дело, милый?

— Ещё бы чуть-чуть, и я бы кончил...

— Ну и что?

— А то, что ты-то ещё не кончила...

— Откуда ты знаешь?... Продолжай, прошу тебя!..

Саша призывно протягивает к нему руки, которые до этого служили ей дополнительными точками опоры, и вцепляется ногтями ему в плечи. Движение поршня в цилиндре возобновляется, становясь всё быстрее и быстрее, всё более и более раздражающим. Разохлавшись и разохлавшись, она по-прежнему, в меру своих возможностей, старается отвечать ему в им же заданном ускоряющемся темпе.

— Я сейчас кончу! — восклицает Леонид.

Саша в ответ только схватывает его за бока — и не только в порыве страсти, но и из-за опасения, как бы он снова не вздумал прервать столь прелестное занятие. Леонид задёргался, и она ощущает, как из его конца, словно из спринцовки, начинает струйками истекать сперма. Затем он опускает на постель её ноги и, не выходя из неё, прижимается к ней, находит её губы и запечатывает их поцелуем.

— Спасибо, дорогая, мне так было здорово! — А мне, думаешь, было хуже, дурачок? — вопросом на вопрос отвечает она, крепко прижимая к себе и часто-часто целуя его.

Так проходит несколько минут. Когда же Леонид в конце концов покидает её и возлегает рядом, вытянувшись на спине, Саша прерывает затянувшееся молчание:

— Можно спросить?

— Конечно. О чём речь? Спрашивай.

— Может быть, это не совсем прилично, то, чего я вдруг захотела узнать...

— О каком неприличии можно теперь говорить?

— И всё же... Вот лежу я и думаю: какая я у тебя по счёту?

— Ну, ты даёшь!... А какой по счёту я у тебя, не считая мужа? Неужто первый?

— Почти угадал...

— Что значит «почти»?

— Узнаешь потом. А сейчас удовлетвори моё любопытство.

— Скажу, что первая, не поверишь, что вторая — то же.

— Не поверю!

— Это надо вспоминать и считать...

— А куда нам торопиться? Вспоминай и считай.

Она поворачивается со спины на бок и, опершись на локоть правой руки, левой ладонью дотрагивается до его груди.

— Ну же, только не ври, сознавайся, сколько их у тебя было?

— Откровенно, говоришь?... Ну, наверно...

— Штук пятьдесят?

— Да нет, раздели пополам, и тогда точно будет, включая одноразовые, в том числе случайные.

— А сколько именно таких?

— Трудно сказать... Да и что значит случайные? Бывало, чтобы поймать подходящий случай, приходилось приложить немало усилий и затратить много времени. Но случай ловился, а вот продолжения не следовало.

— А почему?

— По разным причинам, в том числе психологическим и физиологическим...

— А как ты меня нашёл с точки зрения физиологии?

— Прелестной! — он целует её. — А ты меня?

— Я дама неопытная, и что такое мужчины, мало что знаю.

— Неужто? А муж? А бабские разговоры?

— Ну, бабские откровения об их бабских приключениях, с одной стороны возбуждали желание и самой попробовать, а с другой — рождали опасения...

— Опасения чего?

— Чего угодно... Начиная с нежелательной беременности и кончая подхваченной болезнью... Я уж не говорю о разочаровании...

— Разочаровании в чём?

— Как это ты только что сказал? А, ну да, по причинам психологическим и физиологическим.

— Ну и как, ты не разочарована?

— Пока, дорогой, ни в малейшей степени, несмотря на все те издевательства, которым ты меня подверг перед этим.

— Кто знает? Не было бы тех предварительных ласк, которые ты именуешь издевательствами, может быть ты бы и разочаровалась сразу...

— Может быть. Ты ведь человек опытный, тебе и карты в руки...

Признаюсь, что именно разочарования я больше всего боялась... В девичестве, до замужества, был у меня один ухажёр. У него был такой огромный... что разворотил мне всю внутренность... и когда я стала сравнивать его с тем, что было у мужа, то сравнение это, признаюсь, было не в его пользу. Каждый раз у меня появлялось ощущение, что у меня там слишком... как бы это сказать... — Много свободного пространства, то есть отнюдь не тесно... Я верно выражаюсь?

— Верно... Что значит, человек опытный...

— Итак, маленький после большого не очень-то пришёлся по нраву твоему сокровищу? — уточняет Леонид и кладёт свою ладонь на это сокровище.

— Какой же ты понятливый!

— И всё же ты, в конце концов, решила рискнуть и попробовать что-нибудь другого... Не так

ли?

— Не совсем так... Много чего в семейной жизни вызывает неудовлетворённость...

— Что же именно?

— Всего не перечислишь...

— Однообразность, наверно?

— Не без этого.

— А что ещё?

— Разного рода неурядицы... Куда без них? Обыденность какая-то, повседневная суета, бесконечная текучка, мужской эгоизм, наконец...

— Это когда сунул, вынул и бежать?... Такие слова мне часто приходилось слышать ещё в детстве от более взрослых ребят.

— Вот видишь, ты всё знаешь, дружочек мой...

— Так значит, сегодняшний твой дружочек тебя не очень разочаровал?

— Ты был великолепен! Даже вопреки некоторым непонятым мне капризам.

Саша склоняется над ним и соединяет свои губы с его губами. Не прерывая этого поцелуя, Леонид поворачивается на левый бок, правой рукой, уже лежавшей на её лоне, начинает его пальпировать, а другой берёт ту её длань, что продолжала покоиться на его груди, и увлекает её вдоль своего тела вниз — к животу и дальше, пока та не наткнется на жалкие остатки его недавнего могущества.

«Дело не в размерах»

— А каким ты находишь этот предмет?

— Боже мой!... Как он неузнаваемо изменился!..

— Да, стал крохотным и жалким. А тогда, когда он гостил у тебя, было с чем сравнить?

— О чём ты говоришь! Конечно!

— И с кем же? С мужем или с его предшественником?

— Он показался мне таким большим и твёрдым... И никакого свободного, как ты говоришь, пространство...

— Ошибаешься.

— Зачем мне врать?

— Не о том речь... Согласен, что он заполнил всё твоё пространство. Мало того, я чувствовал, что ему даже чуть тесновато, почему и кончил так быстро... Кстати, ты не боишься забеременеть от меня?

— Да нет, судя по срокам мне, кажется, нечего сегодня опасаться.

— Прекрасно... Но вернёмся к моей змейке и твоему гнёздышку... Всё дело было в технике исполнения, а не в размерах... Перед тем, как она снова окажется у тебя в гостях, не пожелала ли бы ты наглядно убедиться, что ошибалась в оценках её достоинств?

— Не возражаю. Хоть сейчас... Интересно, поди, на змею взглянуть... Да что в такой тьме увидишь?

— Сейчас она, к сожалению, не ведаёт о твоём желании, ибо спит. Хотя нет, твои пальчики возвращают её к жизни... Прошу тебя, будь с нею построже!..

— Поласковее, ты хочешь сказать?... Да, и в кого же ты меня превращаешь?

— В кого?

— В проститутку!..

— Ну, на панель я тебя посылать не собираюсь, а поучиться кое-чему, повторяю, и у

проститутки не мешает. Да где ж её взять?... Так что придётся нам ограничиться обменом собственным опытом... Расскажи, пожалуйста, мне что-нибудь интересное... Что, например, с тобой выделяет здесь, вот на этой постели, твой благоверный...

— Да нет уж... Мне как-то не с руки... Достаточно и того, что сейчас здесь вместо него ты... Я ещё и тебя, как следует не знаю, чтобы делиться с тобою другими вещами...

— Так бога ради! Я отнюдь не против, чтобы ты меня лучше познала... Кстати, а как там моя змейка?

— Кажется, действительно, ожила... Но не уверена, что она в том же состоянии, что была недавно...

— В смысле твёрдости, или в смысле размера...

— В последнем смысле...

— Что ж, придётся ещё раз доказать тебе, что дело тут не в размерах сближающихся органов, а в том, как они сближаются... Вот я перекидываю своё тело на твоё, ты раздвигаешь бёдра и приподнимаешь колени, я, как и в первый раз, возлагаю их себе на плечи и, наконец, ввожу свою змею в твоё гнёздышко... Причём, заметь, именно эта поза позволяет ей проникнуть довольно далеко, чуть ли не до самого дна, так что тебе представляется, будто она необыкновенной длины... То же самое можно сказать и по поводу толщины, то бишь ширины...

Смотри, вот я снимаю твои голени со своих плеч, но не опускаю, а оставляю их и бёдра тесно прижатыми друг к дружке перед собой, то есть максимально сужаю твой цилиндр, делая свой поршень для него более приемлемым... Оставить так?

— Угу! — только и произносит она, шумно задышав и вцепившись ногтями в его бока.

Второй заход оказывается гораздо более длительным по времени. И Саше кажется, причём один за другим несколько раз, что ею достигнут пик наслаждения. От переполнявших её острых ощущений хочется кричать. Но из опасения обнаружить свои, мнит она, животные чувства, приходится, стиснув зубы, сдерживаться. И тем не менее, выдержать эту сладостную пытку до конца не удаётся. Едва только его змея начинает выплёвывать бисер из своего зева, как она полностью теряет контроль над собой, всё её тело трепещет, а из гортани вырываются какие-то утробные звуки...

— Ну как? — только и спрашивает Леонид, отпустив её ноги, но всё ещё оставаясь на ней и в ней.

Саша долго мочит, обняв его за поясницу... И только после того, как он, наконец, выходит из неё и располагается на спине рядом, возложив, между прочим её ладонь на свой мокрый и липкий уд, произносит:

— Да-а!

— Что, да?

— Уж и не помню, когда мне в последний раз приходилось испытывать такое...

— С мужем?

— Если быть откровенной, то навряд ли... Хотя, конечно, всякое случалось и с ним, особенно в начале нашей супружеской жизни... Но чтобы... Нет, такое бывало только с первым моим воздыхателем... Но с ним — понятно. Об его отличительных особенностях я говорила. А ты, мой дорогуша, в этом плане мало чем отличаешься от него...

И вдруг, осмелев, легонько подбросив несколько раз на ладони предмет своей речи и как-то странно хихикнув, замечает:

— Вон он как быстро скукоживается, твой змеёныш...

— Да, он устал, взмок и весь в соплях, нуждается в отдыхе... Но ты особенно-то не позволяй ему скукоживаться...

— Может дать тебе салфетку или платок, чтобы вытереть его?

— Не обязательно... Лучше погладь его и мошонку, потряси их пальчиками... Вот так, молодчина!

— Молодцом был ты! Дай я тебя поцелую!

— Подлинным героем был мой змеёныш... Почему бы тебе его не поцеловать?..

— Нет, дорогой, подлинным героем был ты сам!... Ишь как сумел ко мне приспособиться!... Ты прав: дело, оказывается не в размерах, а в том, как... Разве это не твои слова? И разве не ты только что на деле доказывал их правдивость? Так что, не прибедняйся, пожалуйста!..

— Да я и не прибедняюсь... Но и забывать об инструменте негоже... Чтобы мы делали без него?... Потому-то его и следует холить и лелеять...

— А я что делаю?..

— Молодчина!... А вот взглянуть на него, ещё раз предлагаю, не желаешь?

— Это что, поможет?

— Кто знает?...

— Так всё равно темно, не видно ни зги...

— А ты зажги свет.

— Можно... Но для этого нужно выйти из постели...

— И что же? Ты боишься?

— Да.

— Чего?

— Что ты увидишь меня, в чём мать родила. Я всё ещё стесняюсь тебя...

— Неужели?

— Представь себе, стесняюсь!

Она и на самом деле стесняется предстать перед его взором во всей своей наготе, опасаясь, какое впечатление произведут на него её довольно обширная талия, низкий и малость отвислый таз, жировые складки на животе и бёдрах...

— Ну хорошо. Давай это сделаю я... Где выключатель?

— Лежи, лежи! Я сама...

Саша откидывает одеяло, спускает ноги на пол, идёт к двери, дёргает за шнур выключателя и кидается обратно к постели, где её, выпроставшись из-под одеяла и протянув к ней руки, ожидает Леонид:

— Какая прелесть!... Да не души ты меня так сразу в своих объятиях! Дай вволю налюбоваться тобой, совсем голенькой!

— Вот этого-то я и не хочу...

— Почему?

— Не помню уж кто, Бальзак вроде бы, советовал женщинам, которым уже за тридцать, не показываться мужчинам обнажёнными...

— Бальзак со своими советами давно устарел.

— Не скажи... Одно дело — юная дева с прямым станом, маленькой, но твёрдой грудкою и осиной талией, а другое... Кстати, о девушках... У тебя сейчас есть кто-нибудь?... Признавайся!

— Есть, даже целых две...

— Целых две!... И как же ты с ними управляешься?

— Никак! Та, которой я отдаю предпочтение и не прочь бы был на ней жениться, не пожелала бросить ради меня свою студенческую компанию, и если бы в последний момент я не созвонился с другой, то наверно встречал бы Новый год у себя дома.

— С мамой?

— Да нет, мама уехала в гости к родственникам.

— И ты, воспользовавшись этим, пригласил к себе эту вторую девушку?

— Нет... Сам Новый год мы встречали с ней у моих знакомых, и только под утро, здорово подогревшись вином и танцами, поехали ко мне домой...

— И там ты её... Это было первый раз у вас с ней?... Или вы уже...

— Ни то, не другое!... Ты не поверишь... Ей ещё нет восемнадцати, и как она была до того девственницей, так таковой и осталась...

— Ни в жизнь не поверю! Что же ты делал с нею, когда привёз к себе домой? Разговорами занимал? Как бы не так! И она, небось, знала, что там должно последовать...

— Ты права. Всё-то она знала и на всё, наверно, была согласна... Во всяком случае, едва мы приехали, я раздел её и уложил вместе с собою в постель. И там мы вовсе не спали...

— Представляю, что ты там выделывал с ней...

— Да, выделывал, но самого главного так и не сделал, оставил её в целостности...

— Отчего же, если она, как ты говоришь, на всё была согласна, не сопротивлялась?

— Ни о каком сопротивлении и речи не было. Она была со мной гораздо более покладистой, чем ты сегодня... Всё зависело от меня... А мне не захотелось доводить дело до логического конца.

— Странная прихоть... И с чего это вдруг?

— Наверно, потому, что, в отличие от большинства, предпочитаю ходить проторёнными путями...

— Ну, конечно, там надо ухаживать, возиться, а тут... Как это ты сказал: всунул, вынул и бежать!

— Наоборот. с зелёной девочкой всё проще: на её влюбчивость (чаще всего первую) накладывается ещё страшное любопытство... Гораздо больше приходится возиться с так называемой полудевой, уже попробовавшей запретного плода, но обжегшейся, брошенной соблазнителем, познавшей мучения аборта, ставшей с горя курить... Чаще всего она фригидна и, хотя любопытства к физическому сближению не потеряла, но боится его страшнее смерти... С тобой такого перед замужеством не было?

— Со мной?... Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Да потому, что это, к сожалению, удел многих.

— Ну тогда считай, что не миновал он и меня...

— Можешь рассказать подробнее?

— Зачем?...

— Действительно, зачем?... Мы, кажется, отвлеклись этими разговорчиками от главного и более приятного дела... Как там мой змеёныш?... Что подельывает?... Не очнулся ли уже под воздействием твоих ласк?... Давай взглянем на него!..

Леонид привстаёт, чтобы откинуть край одеяла, но Саша не позволяет ему это сделать:

— Нет, ещё рано...

— Что рано?...

— Отдохни ещё...

— А я что делаю?... Однако это не мешает нам взглянуть на ленивца...

— Не надо!... Умоляю тебя... Я не привыкла... Да и разве это поможет ему?..

— Кто знает... Взгляни мне в глаза... Вот, видишь, твои губы уже движутся к моим, а мои — к твоим... Может быть, увидев, в каком робком состоянии находится этот недотёпа, ты пожелаешь придать и ему смелость...

И он, отвернув край одеяла, обнажает свои причиндалы, над которыми продолжает трудиться её ладонь, тут же, правда, отдёрнутая.

— Придать смелость? Но как?

— Одарив его поцелуем...

— Ты соображаешь, что предлагаешь?

— Соображаю... Смотри!

Переместив свои колени между её ног и привстав на них, Леонид склоняет затем лицо над её лоном. И Саша чувствует, как её набухшие края раздвигаются его пальцами и что-то мягкое (язык, что ли?) проникает между ними, щекочет их, а потом, уткнувшись в клитор, и его. Она вскрикивает, — настолько сладостно острым ощущается ею это неожиданное прикосновение.

— Ну, как?... — он приподнимает голову и бросает взгляд на неё. — Ещё?..

Саша ничего не отвечает, только как можно шире раздвигает бёдра и судорожно перебирает пальцами волосы на его затылке.

— Хватит, хватит, милый!... Не могу больше!..

Эти слова произнесены ею уже после того, как он оторвался от её лона и снова стал укладываться рядом с нею.

— Так, значит, понравилось?... Даже, наверно, очень... И как ты думаешь, понравится ли такая же ласка моему ленивцу? И разве не меньше она возбудит и взбодрит его?..

— Даже не знаю, что сказать...

— Так может, попробуешь? К тому же, посмотри: он сам уже почти в полной готовности...

— Да уж вижу!...

— Так придадим ему дополнительной силы и уверенности!... Ну же, смелее!

Саша, ещё немного поколебавшись, в свою очередь привстаёт на коленях, склоняется над восставшим символом мужественности и, взяв его в руки, приближает к нему свои губы.

— Смелее!... Но осторожно... Представь, что это «эскимо» в шоколаде... Вот так, молодец!..

Сначала она заставляет себя слегка пригубить головку и даже лизнуть языком... Ничего страшного... Потом завладевает ею своими устами и медленно опускает их вдоль тела к корню, затем возвращается к головке... И снова — к корню и обратно... Леонид лежит на спине, подёргиваясь всем телом и ритмически сжимая и разжимая бёдра. Пальцы одной его руки играют со склонившимися над его животом грудями, а другой — приподнятыми ягодицами, время от времени касаясь кольца анального отверстия.

Бог ты мой! — дивится Саша. — Ведь совсем ещё недавно это (оказавшееся не таким уж большим и страшным) пещеристое тело за её щеками, ходило вдоль стенок её чрева, словно поршень в цилиндре, приводя в неистовство... При одном только воспоминании об этом, ей хочется совершить что-то такое необычное... И она принимается энергично двигать ртом вперёд и назад...

— Осторожней, милая!... Зубки!... Попробуй делать сосательные движения!... О нет, хватит! Молодчина!... Теперь моя очередь...

Выпустив изо рта своего пленника, но продолжая держать его в своих ладонях, она может теперь зримо убедиться в результатах своего труда:

— Да, век живи — век учись! Какое чудо!..

— Чудо, сотворённое тобой! Гордись этим!...

— Ты хочешь сказать, что я оказалась способной ученицей?

— Несомненно!... И благодарной... Но, как видишь, чудо, полностью готовое к бою, всё же не совсем тех размеров, как тебе показалось давеча...

— Действительно... В чём же дело?

— Повторяю ещё раз — в той позе, в какой я заставил тебя принять его... А так как всё познаётся в сравнении, сейчас мы займём обычное, привычное для тебя положение, и ты окончательно поймёшь свою ошибку и мою правоту.

— Ну и прекрасно!... Как вспомню то, что ты со мной проделывал, поясница начинает ныть, а ноги схватывает судорога...

— Ты ещё, я уверен, попросишь меня вернуться к такого рода упражнениям... А теперь, пожалуйста, принимай меня таким, каков я есть...

3-й акт с двумя переменами.

Как только Леонид входит в неё, Саша сразу же убеждается, что и на самом деле ошибалась в отношении размеров его мужского достоинства. Оно ходит теперь внутри её естества как-то слишком свободно, касаясь то одной стенки, то другой, но не обеих сразу. Да ещё это засмущавшее её, противное хлюпанье!... И тянется это занятие бесконечно долго... Всё равно приятно, конечно, но до того острого переполнения чувств, что было и в первый и второй разы, сейчас далеко... Ах, до чего ж чудны были те мгновения!... Вспоминая о них, Саша закрывает глаза, судорожно схватывает своего партнёра в объятия и, что есть силы, двигает поясницей. Мысленная концентрация на предыдущих актах, кажется, в чём-то помогает ей: она чувствует, как мышцы в нижней части её вместилища сокращаются и сужают его, причём так сильно, что оно уже со всех сторон охватывает гостя... Но всё же не так плотно, как было перед этим... Открыв глаза, она с удивлением обнаруживает, что его взгляд тоже сосредоточен не на ней, а будто вперился в спинку кровати или в рисунок на стенных обоях за ней.

— О чём ты думаешь, дружок?

— Не о чём, а о ком... О тебе... А ты?

— А я о том, что ты оказался прав...

— Ну и как нам быть? Так мы долго ещё не кончим... Устанем...

— Сделай что-нибудь... Ведь извращенцы — мастера на выдумки!..

— Да, голь на выдумки хитра... Давай прервёмся на минутку, чтобы поменяться местами... Я лягу на спину, а ты забирайся на меня... Не так!... Садись, обняв коленками...

— Села... Что дальше?

— Подвинься немного вперёд, чтобы наши передки совпали, прикасаясь друг к другу... Так... Приподними попу... И представь себе, что твоё отверстие — это горячая камера, а мой поршень — твэл, который следует поместить в неё... Аккуратно опускайся, так чтобы это получилось... Стоп!... Промахнулись... Ещё разок... Ещё... Возьми его рукой и вводи сама... Вот молодчина!... Оседлала? А теперь совершай движения: вперёд — назад, в одну сторону — в другую, вверх — вниз... Ну, как?..

— Непривычно как-то...

— Стоп!... Контакт потерян... Начинай всё сначала... И не скачи так лихо!... Знай меру...
Слушайся моих рук!... Это как в танцах... Только там ведёт одна рука, что лежит на талии,
E-mail автора: aksyutin37@mail.ru